

Александр Никулин

Susanne A. Wengle. Black Earth, White Bread: A Technopolitical History of Russian Agriculture and Food. Madison: University of Wisconsin Press, 2022. 296 pp. ISBN 9780299335403.

Александр Никулин, Чайновский исследовательский центр, Московская высшая школа социальных и экономических наук. Адрес для переписки: МВШСЭН, Газетный пер., д. 3–5, Москва, 125993, Россия. harmina@yandex.ru.

Замысел книги Сюзанны Венгле – автора ряда исследований о современной России – достаточно амбициозен, что следует уже из ее по-американски броского подзаголовка, обещающего изложить «технополитическую историю сельского хозяйства и продовольствия России». Как же Венгле постаралась осуществить эту задачу? В предисловии к монографии она подчеркивает, что каждая из глав анализирует отдельные группы влиятельных акторов – правительств, бюрократов, политических лидеров, производителей и потребителей, влияющих на характер производства, распределения и потребления продовольствия. Заключительная же часть фокусируется на анализе взаимодействия общества и природы в сельском хозяйстве в связи с особо ускоренным ростом производства зерновых и свинины в России. Таким образом, Венгле предпринимает попытку создать взаимосвязанную историю потребления, производства, управления и изменения окружающей среды в России XX–XXI веков. При этом она беспечно предлагает читателям ознакомиться с главами ее книги в любом удобном порядке, объясняя это тем, что предлагаемая структура имеет меньшее значение, чем в хронологической истории или типичном социальном исследовании, предлагающем сильный причинный аргумент.

В первой главе даны достаточно беглые описания основных проектов модернизации сельского хозяйства, реализовавшихся советскими и постсоветскими вождями. Сначала автор упорно подчеркивает, что обеспечение «изобилия» было центральной политической целью советского и постсоветского режимов. Например, неоднократно утверждается, что Владимир Ленин обещал «хлеб и землю», «хлебное изобилие» и так далее (с. 5, 96), но ни одной конкретной цитаты из сочинений Ленина, подтвердившей бы эту ленинско-большевистскую хлебную изобилиеманию, так и не было приведено. Что Ленин действительно обещал, так это «землю – крестьянам», «фабрики – рабочим» и мировую революцию – всем трудящимся. Что же касается хлеба, то для большевиков это действительно был чрезвычайно важный властный ресурс, который для укрепления власти в стране они стремились использовать с твердокаменной централистской жестокостью. Как писал Ленин: «Хлебная монополия . . . это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины» (Ленин 1969:310). На наш взгляд, в этом высказывании воплотилась главная идея большевистской технополитики, и даже технополитэкономии, не только повлиявшая на ленинскую аграрную политику, но и ставшая одним из принципов абсолютно любой продовольственной политики в мире.

В своем стремлении объяснить читателям значение хлеба для советской культуры и экономики Венгле прибегает к трудам советских ученых и общественных деятелей, однако, рассуждая о них, допускает ряд досадных неточностей. Например, Юрий Лотман почему-то характеризуется ею как российский социолог и общественный деятель. Лотман, конечно, ученый-энциклопедист, к наследию которого обращаются и социологи, и общественные деятели, но прежде всего он был филологом и культурологом. Кроме того, говоря об ученых аграрниках, автор утверждает, что «отход [Александра] Чаянова от марксистско-ленинских взглядов стоил ему жизни» (с. 19). Последнее звучит странно, так как аграрник-интеллигент Чаянов придерживался немарксистских методологических воззрений, представлявших собой сочетание англо-австрийской политэкономии маржинализма, немецкой исторической школы и эмпиризма русских земских статистиков. Он был брошен в тюрьму, а потом и расстрелян по вымышленным обвинениям в контрреволюционной шпионско-диверсионной деятельности против коллективизации в СССР, но никак не за искажение марксистского учения (Кербле 2018).

В целом же создается впечатление, что Венгле слишком бегло и фрагментарно пересказывает сложнейшую драму великой советской аграрной трансформации, сводя ее к перечислению ряда грубых решений и ошибок партийных вождей, а также к простой формуле негуманного и неумелого управления сельским хозяйством. Если верить книге, у большевистского правительства была так называемая «зерновая проблема», выражавшаяся в том, что составлявшие большинство населения страны крестьяне не хотели сдавать выращенный ими хлеб на условиях советского государства; а введенные при НЭПе рыночные механизмы также не изменили ситуации. В ответ на это сталинская коллективизация насильственно изъяла хлеб у крестьян, увеличив и модернизировав производство ценой чудовищных человеческих потерь. Однако тот факт, что продовольственная политика большевиков не была монолитной и формировалась исходя из очень разных политических обстоятельств и представлений советского руководства о способах решения «продовольственного вопроса», автором подробно не рассматривается. Она лишь бегло упоминает об этом, что заметно упрощает всю картину произошедшего (Danilov 1992).

Переходя к анализу оттепельной политики, Венгле в первую очередь обращает внимание на целинную кампанию. Она полагает, что Никита Хрущев хотя и расширил пахотные площади, сделал это ценой катастрофических последствий для окружающей среды. Следующий сюжет продовольственной политики связывается автором с постперестроечным периодом правления Бориса Ельцина. Последний, по ее мнению, деколлективизировал и приватизировал землю, но мало что сделал для решения проблемы стремительного падения аграрного производства в период либерализации экономики в 1990-х годах. При Владимире Путине же олигархические агрохолдинги получили контроль над огромными площадями плодородных сельскохозяйственных угодий России с тревожно непредсказуемыми последствиями.

К сожалению, в своей краткой технополитической истории агропродовольственных российских преобразований Венгле чересчур прямолинейно представляет формальные успехи сталинской и дальнейшей индустриализации сельского хозяйства, не подвергая критическому анализу проблемы фатальной технологи-

ческой неэффективности советского агроиндустриального комплекса (Левин 2008; Мерль 2015; Merl 2021; Nikulin 2022). Кроме того, она почти не уделяет внимания периоду горбачевской перестройки, хотя именно тогда у технополитических сельских альтернатив СССР/России был серьезный потенциал (Никонов 1995; Shanin 1988; Zaslavskaya 1990).

Вторая глава обсуждаемой книги посвящена истории производства и технологии аграрного развития СССР/России. Утверждается, во-первых, что именно технологии растениеводства и животноводства являются ключевыми факторами, определяющими, что, где и сколько производить в России. Во-вторых, что советский подход к сельскому хозяйству был проектом технологической и научной модернизации, мало чем отличавшимся от капиталистического. Далее автор также бегло описывает, как советские и постсоветские агротехнологические режимы преуспевали или терпели разные неудачи, при этом особо не вдаваясь в историческую аналитику этих технологических перипетий. Интересной и оригинальной мыслью данной главы является авторское наблюдение о том, что успехи и неудачи сельскохозяйственных технологий фундаментально важны для понимания истоков российских повседневных диет.

Отсылая к некоторым изменениям – от сталинской механизации до путинских усилий по развитию биотехнологий – в базовых для российской продовольственной системы технологиях, автор приходит к выводу: всякий раз, когда та или иная группа акторов, полагаемых наиболее многообещающими проводниками агротехнологических перемен, получала официальную поддержку, это позволяло ей относительно процветать; в то же время их оппоненты маргинализировались, подвергаясь порой и политическим обвинениям.

Третья глава посвящена собственно истории и современности питания в России: автор описывает, как на протяжении десятилетий в СССР менялись доступность и привлекательность различных продуктов питания. Венгле обращает внимание, что хотя советская продовольственная система предоставляла, в общем, скромный ассортимент продуктов и почти всегда сопровождалась дефицитом, с годами даже она была вынуждена подстраиваться под желания потребителей.

В книге отмечается, что, в отличие от советских, постсоветские рынки продовольствия предлагают несравненно больше вариантов разнообразного питания. Тем не менее формирование современной продуктовой корзины, как утверждает Венгле, очень дифференцировано из-за социально-экономической стратификации самого населения России. Автор указывает на то, что трансформация продовольственного потребления зависит не только от изменений в процессах производства, но и в культуре питания, а также представлениях людей о традиционных или полезных продуктах. Венгле описывает стремление некоторых российских потребителей к продуктам, которые были доступны в прошлом, но уже не входят в текущий ассортимент. Подчеркивается, что ностальгия по продуктовому прошлому – например, по советским лимонаду или мороженому – может влиять и на современные модели потребления.

Еще одним интересным наблюдением автора является то, что любое описание изменений в пищевых системах должно учитывать продовольствие как композицию биофизических продуктов или продуктов природы. Этой проблематике посвящена за-

ключительная глава книги. Венгле пишет, что в советское время природа – прежде всего так называемые природно-климатические условия – определенно считалась фактором, ограничивающим аграрное производство в СССР. По ее мнению, советские плановики и политики видели в технологиях и науке, прежде всего, своеобразное оружие по борьбе с природой. Далее автор концентрируется на анализе стратегий селекции растений и скота, в центре внимания которых находится проблематика моделирования производства пшеницы и свинины. Она прослеживает изменения, по которым генетики и селекционеры оценивают экономически желательные черты домашних растений и животных в связи с их региональной и местной адаптацией. Венгле отмечает, что здесь невозможно увидеть единообразие изменений: производство свинины и пшеницы по-разному менялось в советский и постсоветский периоды, но в обоих случаях этих изменения имели важные последствия для биоразнообразия в целом. Так, в обсуждаемой главе интересно продемонстрировано, как растениеводство и животноводство преобразуют природу, а также подчеркивается хрупкость баланса и взаимозависимость человека и природы.

В заключении Венгле рассуждает об общемировом снижении интереса к исследованиям сельского хозяйства, связывая это с сокращением соответствующего сектора экономики как источника занятости населения. Она пишет, что внимание изучению сельского хозяйства, как правило, уделяется в отраслевых перифериях лишь некоторых социальных дисциплин, прежде всего таких, как сельская социология или аграрная экономика. В результате только небольшая группа политологов и политэкономов занимается именно политической экономией сельского хозяйства и продовольственных систем. В таких условиях отстаиваемое автором книги синтетическое понятие «технополитики» способствует не только раскрытию роли потребителей и биофизических факторов в агропродовольственных системах, но и исследованию того, насколько важную роль в изменениях продовольственных систем могут играть непреднамеренные и случайные последствия политики.

Автор утверждает, что агротехнополитические истории – в центре внимания которых находятся не только управление сельским хозяйством, но также климатические и технологические особенности стран и регионов, анализ потребительских ожиданий населения – открывают перед политическими и экономическими науками заманчивые возможности. История окружающей среды, география и антропология уже проложили путь к теоретическому рассмотрению взаимосвязи потребителей и природы как самостоятельных акторов, и теперь, утверждает Венгле, настало время сделать это и в политических исследованиях. Таким образом, рассматривая продовольственные и сельскохозяйственные системы как технополитические режимы, автор книги стремилась к новому пониманию политических, экономических и социальных изменений в реалиях города и села на примере России.

Соглашусь, что такой подход определенно обладает эвристической ценностью, достоин внимания и поддержки, так как позволяет высветить неизвестные ранее связи и тенденции в развитии советского и российского аграрных производств. Однако претендующее на теоретическую новизну исследование просто обязывает автора тщательно прорабатывать детали, уделять больше внимания имеющейся библиографии и быть аккуратным в изложении основных аргументов.

К сожалению, эта часть проведенной Венгле работы выглядит, на наш взгляд, наименее убедительной. В книге имеются зияющие пустоты, связанные с отсутствием в перечне использованной литературы основополагающих работ по теме – например, таких авторов, как Моше Левин, Виктор Данилов, Теодор Шанин, Штефан Мерль. К тому же писать *историю* (даже если это история технополитики) без опоры на исторические источники представляется крайне странным – в таком виде она оказывается кратким, фрагментарным и местами неточным пересказом некоторых известных сюжетов советского аграрного развития. При этом сам подход, заявленный автором, не вызывает возражений. Более того, он уже находил свое удачное воплощение, например, в детальной монографии американского историка Деборы Фицджеральд о технократических преобразованиях в США и СССР 1920–1930-х годов (Fitzgerald 2003).

Современность российской аграрной технополитики изложена в книге, пожалуй, более сбалансированно и оригинально. Однако и здесь упомянутые региональные черноземные и отраслевые пшенично-свиные кейсы вряд ли дают возможность утверждать, что автору действительно удалось осуществить многомерную реконструкцию новейшей истории отрасли. Тем не менее, несмотря на высказанную критику, мы должны выразить Сюзанне Венгле благодарность за глубоко правильную и перспективную постановку вопроса о насущности междисциплинарного постижения аграрной технополитики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кербле, Базиль. 2018. «А. В. Чайнов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.» *Крестьяноведение* 3(4):17–68. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-4-17-68>.
- Левин, Моше. 2008. *Советский век*. М.: Европа.
- Ленин, Владимир. 1969. *Полное собрание сочинений*. Т. 34. М.: Издательство политической литературы.
- Мерль, Штефан. 2015. «Как удалось Сталину воспрепятствовать “зеленой революции” в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927–1941)». С. 88–147 в *Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Никонов, Александр. 1995. *Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России*. М.: Энциклопедия российских деревень.
- Danilov, Viktor. 1992. “Bukharin’s Alternative for the Countryside.” P. 133–145 in *Bukharin in Retrospect*, edited by Theodor Bergmann, Gert Schaefer, and Mark Selden. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
- Fitzgerald, Deborah. 2003. *Every Farm a Factory: The Industrial Ideal in American Agriculture*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Merl, Stephan. 2021. “Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev Failed with the Complex Mechanization of Agriculture: Internal Aspects (1953–1986).” *Krest’ianovedenie* 6(1):26–70. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-1-26-70>.
- Nikulin, Alexander. 2022. “Agriculturist V. G. Venzher in the Search of Reforming the Soviet Union.” *Herald of the Russian Academy of Sciences* 92(3):174–181. <https://doi.org/10.1134/S101933162209009X>.
- Shanin, Teodor. 1988. “Expoliary Economies: A Political Economy of Margins. Agenda for the Study of Modes of Non-Incorporation as Parallel Forms of Social Economy.” *Journal of Historical Sociology* 1(1):107–115. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6443.1988.tb00006.x>.
- Zaslavskaya, Tatyana. 1990. *The Second Socialist Revolution: An Alternative Soviet Strategy*. London: I. B. Tauris.